ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛИНИЮ ФРОНТА

Ток прекратился. Я свистнул, услыхал ответ и выбрался из шалаша.

Солнце поднялось и пригревало. Поляна, совсем недавно еще седая от инея, теперь блестела, и, когда мы сошлись покурить, сапоги наши были до колен мокры.

— Ни черта не осталось, — вздохнул полковник. — Что значит бесснежная зима! Померзли, о наст побились...

Сняв очки, он протирал платком стекла и, устало со-

щурясь, разглядывал их на свет.

— В прошлом году здесь до двенадцати штук собиралось, а сегодня, — снова вздохнул, — пара... ленивых, — наценил очки и спрятал платок. — Идемте полем, может, случайно какого... Там где-то токовали...

Я тоже слышал на заре еще два тока, один тетерев и

сейчас «чуфыкал».

Вышли из леса, сразу увидели на дальнем взгорке подпрыгивавшего косача. Второй сидел метрах в полустах от него.

- Ну, к этим не подойти.

- Без толку, согласился полковник. Экая беда ни черта не осталось. На глухарей, что ли, попробовать?
 - Место знаете? спросил я с надеждой.

- Есть неподалеку. Но вдвоем там не развернуться.

Я кивнул: глухариные тока, известно, хранят в секрете. Но ведь полковник сам уговорил меня сойти в Рысцове. Не окажись этого случайного попутчика, я бы охотился в своей Можарке, где худо-бедно, а вальдшненов настрелял бы.

— Да и погода дурацкая. То вроде ничего, а то дождь, как вчера. А в дождь они не поют, сами знаете... — Полковнику стало неловко, и он замолчал.

Я тоже молчал, завидуя полковнику, понимая его и все-таки назвав про себя «жмотом».

Прошли еще немного. Вдруг он остановился.

— Вот, кстати, тот сарай, вон развалюха, видите? — И даже как-то обрадовался оттого, что нашел тему для разговора. — Вот там нас и «накрыли». Двоих сразу — у немцев там пулемет был. Мы — к лесу. Пока бежали — еще двоих: Пряхина и сержанта, который из другой роты, прибился к нам. Помните, я рассказывал?

— Помню, помню. — Я все еще обижался на полков-

ника.

— Ну а мы с Емелей удрали. Вечер уж был — они в лес не решились. Добрались мы, значит, до Мшаны... Вот где глухарей, между прочим! Но далеко, черт возьми, и места жуткие!

— Сколько?

— Да километров двенадцать будет.

— Двенадцать — ерунда, — возразил я.

— Километры бывают разные, — многозначительно указал полковник и продолжал: — Ну вот, сидим у болота, дальше идти нельзя — через Мшану не перебраться, а утром наверняка за нами придут... Да, брат, тебе ничего этого не досталось. Ты даже не видел их...

Я промолчал, хотя я видел «их». Правда, были они без погон и строили дома на Хорошевке. Иногда стучались в дверь, просили воды. Отец приносил воды, хлеба, они смотрели на его пустой рукав и тихо говорили: «Данке».

— А ночью еще в передрягу эту попали: немцы летели бомбить, наши встретили, те побросали бомбы — и назад. Представляешь: темень, рев, бомбы сыплются, деревья трещат, из болота грязь! Емелю там и зацепило. Осколком. В живот! — неожиданно зло сказал полковник и поморщился, словно от боли.

Я подумал, что в моей жизни не было, да и едва ли могло быть такое, о чем и через тридцать лет я вспомнил бы с похожей горечью и болью. Это счастье, наверное. И даже вполне определенно — счастье. Однако во мне шевельнулось чувство вины, словно... нет, конечно, мы не сами выбираем себе год рождения, и все-таки...

— Пришлось податься на юг вдоль болота. Утром слышал стрельбу — лес прочесывали. В общем, на третий

день выкарабкался.

— А потом?

- Что?

— Во время наступления?

— Это уже на другом фронте. Здесь потом никого не было — немцы сразу большой кусок отдали. А я довоевался до упора, дважды ранен. В грудь — удачно, а в ногу... Хоть и стараюсь не хромать... А после войны сразу приехал. Четверых нашел, позарыты были кто где. Вот они-то как раз на станции теперь похоронены: Пряхин, сержант и те двое. А Емелю отыскать не удалось. Каждый год приезжаю, на Мшану ходил, местных все время спрашиваю, но редко кто там бывает. Это раньше когда-то старики охотники хаживали, даже на другую сторону перебирались, а теперь...

Мы разрядили ружья, миновали крайнюю избу, и чейто гончий пес, завидев нас, взвыл от тоски и зависти —

ему-то до поздней осени не бывать в лесу.

Набравши наставлений и советов, в полдень я ушел искать тока. Держал все на восток, к Мшане. Километры и впрямь были нелегкие: бурелом, мхи, сырые низины, потом попался гнилой березняк: земля — месиво,

кабанами изрыта. Березняк шел в болото. Перебираясь с кочки на кочку, огибая большие, правильно-круглые окна воды, я медленно продвигался вперед к старому лесу и, казалось, вот-вот должен был выбраться, но кочек становилось все меньше, воды больше, дважды я срывался, проваливался по пояс, и вдруг, когда до леса оставалось метров сто — сто пятьдесят, передо мной открылся поток. Назад идти не было сил. Я спрятал спички и сигареты под фуфайку, патронташ поднял повыше на грудь, шагнул в красновато-бурую воду и, не достав дна, отчаянно заработал ногами, пробиваясь к противоположному берегу. Вскоре мне удалось ухватиться за ветки куста, торчащего из воды, я подтянулся, влез на кочку и через полчаса, преодолев еще сто метров топи, добрался к лесу. Сапоги у колен были перетянуты ремешками, так что воды попало немного, но одежда вымокла, и, чтобы не простудиться, я побежал через лес, благо это был чистый сосновый бер. Однако он тут же и кончился: огромное, рыжее от мха болото расстилалось на многие километры вперед и по сторонам. Вспомнив рассказы полковника, я сообразил, что заблудился и перешел Мшану — «непроходимую топь». От осознания происшедшего почувствовал смертельную усталость. Развел костер, кое-как высушил одежду, почистил ружье и, достав из ягдташа крепкий плащ, взятый специально для ночлега в болоте, привязал его на манер люльки к нижнему сучку дерева, забрался и заснул. Засыпая, приметил неподалеку развороченный муравейник, но возможное соседство с медведем нисколько не обеспокоило меня — охотился я не первый год и знал, в какой страх вогнал человек природу. А кроме того, я выпил перед сном сто пятьдесят граммов водки — весь НЗ.

ред сном сто пятьдесят граммов водки — весь но.
Проснулся ночью и огня не разводил. Услышал вскоре глухарей, тетеревов — все рядом, на опушке. Сорвался с места, чтобы красться, вдруг все затихло — и начался дождь. Я прошел вдоль мха, свернул к Мшане, раздумывая, как бы перебраться, и тут наткнулся на Емелю. Он

лежал, укрывшись многолетней хвоей, и только выржавевшая каска оставалась наверху. Я отпрянул, хотел бежать в деревню к полковнику, но неожиданное соображение остановило меня.

...Возвращался я тем же неудобным, но, по-видимому, единственно возможным образом: вплавь, потом соскальзывая с кочек, потом пробираясь между правильно-круглыми окнами воды. Я понял, что это затянувшиеся болотной жижей воронки.

В деревню пришел часам к двенадцати. Полковник завтракал. Был «с полем», но не слишком радовался: глухарь достался случайно: сел над головой — и все. А без

песни глухарь — не глухарь.

Я медлил, сомневался, говорил все не о том: как шел

к Мшане, как вышел на кабаний березняк.

- Ну, это ты сильно вправо взял. Самые тока левее, севернее, а ты вправо, полковник показал рукой, где право, и пожал плечами: сам, мол, виноват, тебе ж говорили, куда идти. А березняк южнее. Там где-то мы и сидели. Там где-то Емеля и остался... Я ведь там все излазил! И никаких следов, ни черта не нашел!
 - Я нашел.
 - Что?
 - Емельянова.

Лицо его сделалось серым:

- Гле?
- За Мшаной. И рассказал...
- Все правильно, прохрипел полковник и откашлялся. Помолчал, шепотом повторил: Правильно. Закрыл лицо руками. Он был еще жив, бредил... Я не решился тащить его ни через Мшану, ни к железной дороге. Мы бы оба погибли, понимаете?! Сжал виски. Застрелить его я тоже не мог. И ушел... Все равно, думал, до утра не дотянет. А он, стало быть, дотянул. Полковник опустил руки и внимательно посмотрел на меня.

«И даже хватило сил через Мшану перебраться», —

промолчал я. Полковник, словно угадав мои мысли,

кивнул.

— Все эти годы я мучился, не мог простить себе... Я воевал, я дрался! — отчаянно воскликнул он и затих. — Погибнуть надо было... вместе, — сказал он, кажется, одному себе. — Должны были оба погибнуть.

Я вытащил из ягдташа проржавевший ТТ.

— Его пистолет, — согласился полковник, несколько сосредоточившись.

— А что, — спросил я, — Емельянов левша?

— Вроде, — сказал он, припоминая. — А откуда вы знаете?

— Дырка в левом виске.

Он кивнул, взял пистолет, подержал на ладони, потом достал из кармана нож и расковырял ржавую рукоятку — ни одного патрона.

— Полная обойма была, — заметил он, убирая нож и поднимаясь. — Вот так-то... Значит, как перейдешь,

вверх по Мшане?

— Да метров двести. Я там нацепил на сосну кольцо бересты.

Он подошел к окну:

— Удивительный день — похож на тот. А была осень. И, между прочим, красивая осень. Любоваться времени не было, но помню: сказочная! И сегодня прекрасный день!.. Ты вот что, — сказал он, не оборачиваясь, — оставь меня. — И тихо повторил: — Оставь.

Я почувствовал неопределенную тревогу:

— Полковник, вам, как и Емеле, я обязан жизнью.

Он обернулся: — Ну и что?

— Надеюсь, вы не станете предпринимать...

— Мальчишка! — сказал, как будто плюнул мне в лицо.

Я попрощался с хозяйкой — глухой старухой и вы-

шел.

Да, был по-осеннему призрачен и прозрачен этот анрельский день. Изумрудная озимь, умытая росой, сияла, на сиреневые бревна изб ложились черные тени сырости, но, как бывает и осенью, даль туманилась, покрывая лес тусклым, темнеющим серебром. Я запомнил все краски нарочно, потому что полковник назвал день сказочным и прекрасным, «похожим на тот».

Через два часа был на станции. Подошел поезд — паровоз, два вагона, — я забился в пустое купе, и, чем дальше от линии фронта, тем мучительнее становились мысли о предстоящей встрече полковника с Емельяновым.

Да как же так получилось, что обида за Емельянова и желание восстановить справедливость — чувства, в правоте которых я был уверен, — вдруг соединились с чувством горькой моей вины? Где был я прав? Где не прав? Проклятый случай... Нет уж! Не дай нам бог судить не наше время!